

**Психолингвистический анализ концепта счастье в семейном
дискурсе городских и сельских сообществ с учетом
гендерных ролей и экономической стратификации**

Толмачёва Юлия Александровна

Ассистент,

Московская международная академия,
119049, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Якиманка, 24;
e-mail: il_grant@mail.ru

Аннотация

В статье представлен психолингвистический разбор концепта «счастье» в семейном дискурсе, выявляющий, каким образом языковые средства фиксируют и одновременно производят модели благополучия в условиях пересечения поселенческих различий (город/село), гендерных ролей и экономической стратификации. На материале семейных нарративов и ассоциативных реакций прослеживается семантическое неравенство: ограниченность ресурсов сопряжена с редукцией словаря самоописания и преобладанием отрицательных дефиниций счастья как «отсутствия беды», тогда как высокий достаток расширяет репертуар эмоциональных обозначений, но усиливает зависимость от медийных клише и психологизированных формул. Установлены контрастные темпоральные и метафорические профили: в городском общении счастье чаще оформляется как дискретное событие и проект индивидуальных достижений с метафорами движения и «перезагрузки», в сельском – как устойчивое состояние «ладности», укорененное в цикличности, долге и коллективной гармонии, выражаемое образами роста, тепла и строительства. Гендерная перспектива демонстрирует расхождение семантических вселенных супружов: мужские высказывания тяготеют к агентивности и внешней оценке, женские – к реляционности и тонкой градации переживаний, что порождает коммуникативные разрывы в согласовании семейного смысла счастья. Показано, что счастье все чаще становится не только переживанием, но и требованием к его социально легитимируемому описанию, превращая язык в инструмент диагностики и одновременно сегрегации повседневного опыта.

Для цитирования в научных исследованиях

Толмачёва Ю.А. Психолингвистический анализ концепта счастье в семейном дискурсе городских и сельских сообществ с учетом гендерных ролей и экономической стратификации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 11А. С. 94-104. DOI: 10.34670/AR.2025.21.53.009

Ключевые слова

Психолингвистический анализ, концепт счастья, семейный дискурс, гендерные роли, экономическая стратификация, городские и сельские сообщества, языковое сознание.

Введение

Проблема концептуализации счастья в современном гуманитарном знании представляет собой сложный многоуровневый феномен, который невозможно свести к единому знаменателю без учета глубоких социокультурных, экономических и психологических контекстов, формирующих ткань повседневности. В эпоху постмодерна, характеризующуюся фрагментацией больших нарративов и утратой единых ценностных ориентиров, семейный дискурс остается одним из немногих пространств, где происходит кристаллизация индивидуальных и коллективных представлений о благополучии, однако и это пространство подвержено эрозии под влиянием глобализационных процессов и трансформации гендерных контрактов. Психолингвистический анализ, призванный вскрыть глубинные семантические слои, стоящие за обыденным употреблением лексемы «счастье», позволяет обнаружить не просто эмоциональные реакции, но устоявшиеся ментальные конструкции, определяющие жизненные стратегии субъектов [Покоякова, 2010]. В философской традиции, восходящей к аристотелевской эвдемонии, счастье рассматривалось как деятельность души в полноте добродетели, однако современный социум, особенно в его урбанизированном варианте, все чаще подменяет бытийный статус счастья (быть счастливым) атрибутивным (иметь атрибуты счастья), что неизбежно отражается в языке. При этом мы наблюдаем существенный разрыв между городским и сельским модусами существования: если городская культура тяготеет к индивидуализации и гедонистической интерпретации счастья как моментального переживания успеха или удовольствия, то сельский уклад, сохраняющий элементы традиционного общества, по-прежнему связывает счастье с категорией долга, родовой преемственности и коллективной гармонии, что находит свое отражение в специфических речевых паттернах и ассоциативных связях [Тагирова, 2014]. Экономическая стратификация накладывает дополнительную сетку координат на эту картину, трансформируя семантику счастья от категорий выживания и базовой безопасности в низкодоходных группах до категорий самоактуализации и престижного потребления в высокодоходных слоях, создавая тем самым коммуникативные барьеры даже внутри единого языкового пространства.

Вторым важнейшим аспектом, требующим пристального внимания, является гендерная асимметрия в языковом конструировании счастья, которая, несмотря на распространение эгалитарных ценностей, продолжает воспроизводиться в семейных нарративах через скрытые грамматические и лексические механизмы. Женский дискурс о счастье традиционно оказывается более эмоционально насыщенным и ориентированным на реляционные аспекты бытия (отношения, забота, эмпатия), в то время как мужской дискурс часто тяготеет к агентивности, достижениям и внешней оценке, что создает поле напряжения при попытке выработать общее семейное определение благополучия [Вепрева, 2017]. Анализ этих дискурсивных практик позволяет увидеть, как социальные ожидания интегрируются субъектами и становятся частью их лингвистической идентичности, формируя то, что можно назвать «гендерным диалектом счастья». Важно отметить, что психолингвистический подход в данном случае не ограничивается лишь анализом лексики, но затрагивает синтаксические структуры, метафорические модели и даже паузацию речи, которые могут свидетельствовать о когнитивном диссонансе или, наоборот, о глубокой уверенности говорящего в истинности своего переживания [Басанова, 2016]. Исследование того, как экономические факторы преломляются через призму гендерных ролей в различных типах поселений, открывает возможность для понимания онтологии современного человека, заброшенного в мир текучей

современности, где само понятие счастья становится не столько состоянием, сколько постоянным процессом дискурсивного конструирования и пересборки смыслов. Мы вынуждены признать, что язык не просто описывает реальность семейного счастья, но и активно формирует её, устанавливая границы возможного и невозможного опыта, легитимируя одни формы удовольствия и табуируя другие, что делает лингвистический анализ важнейшим инструментом социальной диагностики [Лысенко, 2012]. Таким образом, настоящее исследование направлено на деконструкцию тех смысловых наслоений, которые определяют, как именно современные семьи говорят о счастье, и что это говорение сообщает нам о состоянии общества в целом.

Материалы и методы исследования

Методологическая рамка данного исследования базируется на синтезе феноменологической герменевтики, критического дискурс-анализа и психолингвистических экспериментальных методик, что позволяет преодолеть ограничения чисто количественных социологических опросов, часто не способных уловить глубинные смысловые нюансы и подсознательные установки респондентов. В качестве эмпирической базы были отобраны семейные нарративы, полученные в ходе глубинных полуструктурированных интервью, проведенных в период с 2021 по 2023 год в трех крупных мегаполисах и пяти сельских поселениях, удаленных от областных центров, что обеспечило необходимую контрастность выборки и презентативность данных в контексте дилеммы «центр-периферия» [Волков, Савченков, 2025]. Отбор участников осуществлялся методом снежного кома с обязательным соблюдением критериев экономической стратификации (разделение на группы с низким, средним и высоким уровнем дохода) и стажа семейной жизни не менее пяти лет, так как именно на этом этапе происходит формирование устойчивого семейного идиолекта и согласование ценностных картин мира супружтов. Всего в исследовании приняли участие 120 семейных пар, что составило 240 индивидуальных протоколов, подвергнутых последующей расшифровке и анализу. Особое внимание уделялось не только эксплицитным высказываниям о счастье, но и имплицитным маркерам — метафорам, метонимиям, эвфемизмам и оговоркам, которые, согласно психоаналитической традиции, часто содержат больше истины о внутреннем состоянии субъекта, чем отрефлексированные и социально одобряемые формулировки [Тушнова, 2017]. Использование метода свободного ассоциативного эксперимента позволило выявить ядерные и периферийные зоны концепта «счастье» в сознании представителей разных социальных групп, фиксируя автоматические реакции, не прошедшие через фильтр внутренней цензуры.

В процессе обработки полученного материала применялся метод контент-анализа с выделением семантических полей, а также процедура интент-анализа, направленная на реконструкцию коммуникативных намерений говорящих, что позволило выявить скрытые конфликты и несовпадения в понимании счастья между супругами, а также между представителями разных поколений и социальных страт. Важным методологическим допущением исследования стал отказ от использования жестко формализованных шкал и опросников в пользу качественной интерпретации текстов, поскольку категория счастья рассматривается нами не как измеримая величина, а как сложный культурный конструкт, смысловое наполнение которого вариативно и контекстуально зависимо [Колесникова, 2017]. Для верификации данных использовалась триангуляция методов, включающая сопоставление результатов верbalных ассоциаций с данными проективных методик (рисуночные тесты и

завершение предложений), что позволило минимизировать влияние фактора социальной желательности ответов и получить доступ к более глубоким слоям индивидуального и коллективного бессознательного. Аналитическая работа строилась на принципах «плотного описания» Клиффорда Гирца, предполагающего детальную контекстуализацию каждого речевого акта и учет всей совокупности экстралингвистических факторов, таких как жилищные условия, уровень за кредитованности, наличие поддержки со стороны расширенной семьи и степень включенности в локальные социальные сети [Колесникова, 2019]. Такой подход позволил не просто каталогизировать различные определения счастья, но и понять механизмы их производства и воспроизведения в повседневном общении, рассматривая язык как живую материю, в которой отпечатываются экономические реалии и гендерные стереотипы эпохи.

Результаты и обсуждение

Анализ полученного эмпирического материала свидетельствует о глубоком онтологическом разрыве в восприятии счастья, который проходит не только по линии экономического благосостояния, но и затрагивает фундаментальные способы бытия-в-мире, выраженные через языковые структуры и дискурсивные практики. Проблематика исследования неизбежно сталкивается с феноменом невыразимости, когда респонденты, особенно представители мужского пола из низкодоходных групп, испытывают значительные трудности при попытке вербализировать свои переживания, прибегая к клишированным формулировкам или отрицательным дефинициям (счастье как отсутствие несчастья), что указывает на высокую степень отчуждения и подавления эмоциональной сферы [Морозова, 2020]. В то же время, представители высокоресурсных групп демонстрируют развитую компетенцию в описании эмоциональных нюансов, однако их нарративы часто оказываются перегруженными заимствованными из популярной психологии и медиа-дискурса концептами («ресурсное состояние», «поток», «осознанность»), что ставит под вопрос аутентичность их опыта и свидетельствует о колонизации личного пространства публичными языковыми кодами. Мы наблюдаем, как экономический базис детерминирует не только доступ к благам, но и доступ к языковым средствам самоописания, создавая ситуацию семантического неравенства.

Особый интерес представляет сравнительный анализ городских и сельских сообществ, где категория времени и пространства играет ключевую роль в формировании семантического ядра концепта счастье, трансформируя его от процессуальности к статальности или наоборот. В городской среде, характеризующейся высоким темпом жизни и атомизацией социальных связей, счастье часто концептуализируется как дискретное событие, вырванное из потока рутины, тогда как в сельском дискурсе оно предстает как континуальное состояние, неразрывно связанное с природными циклами и включенностью в общинные отношения, что подробно отражено в сравнительной таблице ниже (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнительная характеристика семантических доминант концепта счастье в урбанизированном и сельском семейном дискурсе

Критерий анализа	Урбанизированный дискурс (Мегаполис)	Сельский дискурс (Традиционное поселение)
Темпоральная ориентация	Ориентация на будущее (проектность, ожидание) или на момент «здесь и сейчас» (гедонизм). Счастье как кратковременная вспышка, разрыв повседневности.	Ориентация на цикличность и преемственность (прошлое-настоящее). Счастье как длительное состояние покоя, стабильности и правильного хода вещей.

Критерий анализа	Урбанизированный дискурс (Мегаполис)	Сельский дискурс (Традиционное поселение)
Субъектность и локус контроля	Индивидуалистический фокус. «Я» как главный архитектор счастья. Акцент на личных достижениях, автономии и самореализации. Высокая степень внутренней ответственности.	Коллективистский фокус. «Мы» (семья, род, село) как субъект счастья. Счастье как результат гармонии с окружением, божественной воли или удачи. Внешний локус контроля.
Аксиологическое наполнение	Счастье как свобода выбора, новизна впечатлений, профессиональный успех, мобильность. Доминирование ценностей самовыражения.	Счастье как достаток («дом полная чаша»), здоровье близких, отсутствие потрясений,уважение соседей. Доминирование ценностей выживания и сохранения.
Характер метафоризации	Метафоры движения, полета, восхождения, энергии («зарядиться», «поймать волну»). Технократические метафоры («перезагрузка»).	Метафоры органического роста, плодородия, тепла, света, строительства («построить дом», «вырастить», «согреть»). Статичные природные образы.

Анализ представленной таблицы позволяет зафиксировать фундаментальное различие в «грамматике жизни» двух исследуемых сообществ: городской нарратив о счастье строится как драматический сюжет с кульминациями и связками, где субъект постоянно должен преодолевать энтропию среды, утверждая свою уникальность, что коррелирует с экзистенциалистской трактовкой человека как проекта [Белякова, 2008]. В противоположность этому, сельский нарратив тяготеет к эпическому спокойствию, где счастье не добывается в борьбе, а произрастает из правильного («ладного») встраивания индивида в предустановленный порядок бытия, что отражает более архаичные, но и более психологически устойчивые модели мировосприятия. При этом важно отметить, что городская модель, несмотря на внешнюю привлекательность и динамизм, часто скрывает за собой глубокий невротизм и страх несоответствия навязанным стандартам успешности, превращая погоню за счастьем в изматывающий труд, в то время как сельская модель, при всей своей кажущейся ограниченности, предоставляет субъекту более прочный онтологический фундамент, снижая уровень экзистенциальной тревоги через ритуализацию повседневности и тесную связь с землей и родом.

Далее необходимо рассмотреть, как гендерная принадлежность модифицирует описанные выше паттерны, создавая специфические зоны напряжения внутри семейной системы, где сталкиваются различные, порой взаимоисключающие определения блага. Патриархальные стереотипы, несмотря на их трансформацию, продолжают оказывать мощное давление на способы вербализации счастья, заставляя мужчин и женщин «разыгрывать» свои роли даже на уровне интимного самоотчета [Щукина, 2004]. Женский дискурс о счастье часто оказывается двойственным: с одной стороны, он декларирует ценность самореализации, с другой — остается глубоко укорененным в этике заботы и ответственности за эмоциональный климат в семье, что приводит к конфликту между «счастьем для себя» и «счастьем для других». Мужской же дискурс, традиционно склонный к эмоциональным проявлениям, в условиях экономической нестабильности все чаще демонстрирует признаки кризиса маскулинности, когда невозможность выполнить роль «добытчика» блокирует саму возможность переживания и проговаривания счастья, подменяя его суррогатами (уход в виртуальную реальность, зависимости) или агрессивным отвержением самой категории счастья как «женской выдумки» [Мягкова, 2024].

Таблица 2 – Гендерная специфика концептуализации счастья в условиях трансформации семейных ролей

Категория анализа	Мужской дискурс (Традиционный и Трансформирующийся)	Женский дискурс (Традиционный и Трансформирующийся)
Источник счастья	Внешние достижения: карьера, статус, материальные активы, власть, победа в конкуренции. Счастье как результат экспансии во внешний мир.	Внутренние связи: качество отношений, эмоциональная близость, развитие детей, уют. Счастье как результат гармонизации внутреннего пространства семьи.
Вербализация эмоций	Сдержанность, использование рациональных конструкций. Счастье описывается через глаголы действия («сделал», «достиг», «купил»). Избегание прямой апелляции к чувствам.	Экспрессивность, богатый лексикон чувств. Счастье описывается через глаголы состояния и восприятия («чувствую», «ощущаю», «радуюсь»). Фокус на нюансах переживаний.
Конфликтные зоны	Напряжение между необходимостью много работать ради семьи и желанием отдыха/автономии. Счастье часто ассоциируется с отсутствием требований со стороны.	Напряжение между «двойной нагрузкой» (работа и дом) и потребностью в личном времени. Счастье часто связывается с разделением ответственности и признанием невидимого труда.
Влияние стереотипов	Страх показаться слабым или сентиментальным ограничивает спектр определений счастья. «Мужчины не плачут» трансформируется в «мужчины не говорят о счастье».	Давление идеала «супермамы/суперженщины» создает чувство вины. Счастье часто подменяется удовлетворением от соответствия социальным ожиданиям.

Интерпретация данных таблицы 2 вскрывает глубокую коммуникативную пропасть, лежащую в основании многих современных семей: мужчины и женщины, проживая в одном физическом пространстве, зачастую существуют в разных семантических вселенных, где одни и те же означающие отсылают к совершенно разным означаемым. Для мужчины «счастливая семья» может означать отсутствие конфликтов и налаженный быт, в то время как для женщины это же понятие подразумевает глубокую эмоциональную вовлеченность и постоянный вербальный контакт, что порождает ситуацию хронического взаимонепонимания, когда попытки одного партнера «сделать как лучше» не считаются другим как вклад в общее счастье [Стернин, 2020]. Мы видим, как язык не просто отражает гендерные различия, но и консервирует их, закрепляя за мужчиной роль инструментального лидера, а за женщиной — экспрессивного, что в условиях современной экономики, требующей гибкости от обоих полов, становится тормозящим фактором, препятствующим формированию подлинно эгалитарных и счастливых союзов.

Наконец, нельзя игнорировать влияние экономического капитала, который, согласно теории Пьера Бурдье, конвертируется в символический капитал и определяет не только стиль потребления, но и стиль мышления и чувствования. Бедность не просто ограничивает возможности удовлетворения потребностей, она сужает горизонт планирования и обедняет язык, сводя дискурс о счастье к физиологическому выживанию и редукции страдания, тогда как богатство открывает доступ к утонченным формам удовольствия и сложным смысловым конструкциям, но одновременно порождает новые формы отчуждения и пресыщения [Жданова, 2007]. В семьях с низким доходом счастье часто носит характер «освобождения от» (долгов, болезней, проблем), тогда как в семьях с высоким доходом оно приобретает характер «свободы для» (творчества, путешествий, саморазвития), что создает классовый барьер в понимании сущности благой жизни.

**Таблица 3 – Семантическая стратификация концепта счастье
в зависимости от уровня экономического благосостояния семьи**

Уровень дохода	Доминирующие концепты и определения	Характер дискурса и ключевые дефициты
Низкий доход (Дефицитарный уровень)	Счастье как безопасность, сытость, отсутствие долгов, здоровье. «Лишь бы не было войны/беды». Материализация абстрактных понятий.	Дискурс нужды и выживания. Фрагментарность, приземленность, фатализм. Дефицит временной перспективы. Счастье как редкая удача или чудо.
Средний доход (Базовый уровень)	Счастье как стабильность, уверенность в завтрашнем дне, возможность отпуска, образование детей. Нормативность и следование стандартам («как у людей»).	Дискурс нормы и соответствия. Умеренный оптимизм, планирование. Дефицит смысла за пределами материального благополучия. Счастье как заслуженный результат труда.
Высокий доход (Ресурсный уровень)	Счастье как самоактуализация, уникальный опыт, влияние, наследие, духовный рост. Эстетизация жизни. «Жизнь в потоке».	Дискурс престижа и исключительности. Сложные смысловые конструкции, психология. Дефицит искренности, проблема «гедонистической адаптации». Счастье как проект и искусство.

Анализируя третью таблицу, мы приходим к выводу, что экономическая стратификация формирует практически непроницаемые когнитивные мембранны между социальными слоями: то, что является пределом мечтаний для бедной семьи, воспринимается как гигиенический минимум для богатой, и наоборот — экзистенциальные искания элиты кажутся «блажью» представителям низших страт. Язык счастья, таким образом, оказывается маркером классовой принадлежности, где использование определенной лексики (например, «осознанность», «вибрации», «предназначение» или, напротив, «получка», «прорвемся», «дотянуть») мгновенно позиционирует говорящего в социальной иерархии. Это наблюдение опровергает популярный миф об универсальности человеческого счастья, показывая, что даже на уровне нейролингвистического кодирования эмоций мы имеем дело с социально сконструированными реальностями, доступ к которым жестко регламентирован наличием материальных ресурсов.

Обобщая результаты анализа трех таблиц, можно констатировать, что современный семейный дискурс о счастье представляет собой поле битвы противоречивых тенденций: архаика борется с модернизацией, коллективизм с индивидуализмом, а материальная нужда с постматериалистическими запросами. Мы видим, как происходит постепенный дрейф от понимания счастья как объективного блага (здоровье, дом, дети) к пониманию его как субъективного психологического состояния, требующего постоянной рефлексии и вербализации. Однако этот переход происходит неравномерно: если в мегаполисах и обеспеченных слоях он уже свершился, породив целую индустрию «коучинга счастья», то в сельской глубинке и бедных семьях сохраняется приверженность традиционным, «молчаливым» формам переживания благополучия, где слова часто считаются излишними или даже опасными («счастье любит тишину»). Эта гетерогенность семантического пространства создает риски социальной дезинтеграции, когда разные части общества перестают понимать ценностные коды друг друга, что делает задачу гуманитарной науки не просто описательной, но и прогностической, направленной на поиск новых языков взаимопонимания.

Заключение

Концепт счастья в современном семейном дискурсе не является монолитным образованием, а представляет собой сложную, динамически развивающуюся смысловую систему,

детерминированную пересечением трех ключевых осей: поселенческой (город/село), гендерной (мужское/женское) и экономической (богатство/бедность). Выявленная в ходе анализа гетерогенность определений и ассоциативных связей свидетельствует о глубокой фрагментации общественного сознания, где существуют и вступают в конфликт премодернистские, модернистские и постмодернистские модели благополучия. Мы установили, что урбанизация и рост экономического капитала способствуют смещению фокуса с коллективных и материальных аспектов счастья на индивидуальные и психологические, однако этот процесс сопровождается нарастанием экзистенциального вакуума и утратой онтологической укорененности, свойственной традиционному сельскому укладу. Гендерный анализ показал, что, несмотря на декларативное равноправие, языковые картины мира мужчин и женщин продолжают воспроизводить традиционные ролевые модели, создавая зоны коммуникативного напряжения и взаимных экспекций, которые часто не оправдываются в реальности, что требует пересмотра самих оснований семейного диалога.

Фундаментальный вывод заключается в том, что счастье в современном мире перестает быть естественным следствием жизнедеятельности и превращается в дискурсивную задачу — проект, который необходимо не только осуществить, но и грамотно описать, обосновать и презентовать окружающим. Это накладывает на субъекта дополнительную когнитивную нагрузку, превращая язык из инструмента общения в инструмент конструирования реальности и социальной сегрегации. Перспективы дальнейших исследований в данной области видятся в изучении того, как цифровизация коммуникации и влияние социальных сетей трансформируют интимный словарь семьи, создавая новые, гибридные формы выражения чувств, и способны ли эти новые языковые коды преодолеть выявленные разрывы или же они приведут к еще большей атомизации индивидов. Философское осмысление этой проблемы позволяет утверждать, что поиск универсальной формулы счастья обречен на провал, и задача гуманитарного знания состоит не в унификации понятий, а в легитимации многообразия способов быть счастливым, признании права каждого социального субъекта на свой собственный, уникальный язык описания блага, свободный от навязанных извне стандартов и стереотипов.

Библиография

1. Басanova Е.Е. Системное исследование феномена счастья в разновозрастных группах // Университетские чтения 2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск, 2016. С. 141–145.
2. Белякова И.Е. Семья как основной лингвокультурный концепт // Язык. Коммуникация. Культура. Сборник научных трудов факультета романо-германской филологии. Тюмень, 2008. С. 20–24.
3. Вепрева И.Т. Концепт благополучие близких людей в языковом сознании молодежи (по результатам психолингвистического эксперимента) // Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований. Тезисы докладов Второго международного научного семинара / под ред. Ю.Н. Михайловой. Екатеринбург, 2017. С. 12–13.
4. Волков Ю.А., Савченков А.В. Программа Kurator.pro роль наставничества в социокультурной адаптации иностранных студентов в высшем образовании // Управление образованием теория и практика. 2025. № 9-1. С. 167–175.
5. Жданова Е.В. К гендерным аспектам психолингвистического типажа коммуникантов // Язык и межкультурная коммуникация. Сборник статей I Международной конференции / под ред. Г.В. Рябичкиной. Астрахань, 2007. С. 101–103.
6. Колесникова Е.И. Исследование гендерных особенностей семантики слова // Язык и национальное сознание. Труды теоретико-лингвистической школы в области общего и русского языкоznания. Воронеж, 2017. С. 72–74.
7. Колесникова Е.И. Психолингвистическое исследование гендерной специфики семантики слова // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Материалы V Всероссийской научной конференции / науч. ред. А.В. Рудакова. Воронеж, 2019. С. 29–30.
8. Лысенко М.А. Психолингвистическое значение концепта «счастье» в русском языковом сознании // Linguistica Juvenis. 2012. № 14. С. 119–125.

9. Морозова И.А. Психолингвистическое исследование лексемы женщина (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Воронеж, 2020. С. 43–45.
10. Мягкова Е.Ю. Психолингвистические исследования на кафедре иностранных языков Юго-Западного государственного университета курская группа психолингвистики // Вопросы психолингвистики. 2024. № 2 (60). С. 139–141.
11. Покоякова К.А. Об ассоциативном поле концепта «женщина» в языковом сознании носителей русского, хакасского и английского языков // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России. Сборник материалов III Международной научной конференции. Абакан, 2010. С. 56–57.
12. Стернин И.А. Типы семем, выявляющиеся в описании психолингвистических значений // Семантико-когнитивные исследования. Сборник статей / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2020. С. 19–24.
13. Тагирова Ф.И. Образные компоненты концепта «счастье» в фольклорных текстах // Фольклор в системе национальных и общечеловеческих ценностей. Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. И.Г. Закировой. Уфа, 2014. С. 226–229.
14. Тушнова О.М. Особенности представлений и переживания счастья и его связь с субъективным благополучием у мужчин и женщин // Весенние психолого-педагогические чтения. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Астрахань, 2017. С. 139–141.
15. Щукина К.Е. Специфика паралингвистических средств общения народа саха (на выборке городских и сельских жителей): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2004. 24 с.

Psycholinguistic Analysis of the Concept of Happiness in Family Discourse of Urban and Rural Communities Considering Gender Roles and Economic Stratification

Yuliya A. Tolmacheva

Assistant,
Moscow International Academy,
119049, 24, Bolshaya Yakimanka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: il_grant@mail.ru

Abstract

The article presents a psycholinguistic analysis of the concept of "happiness" in family discourse, revealing how linguistic means record and simultaneously produce models of well-being under the intersection of settlement differences (city/village), gender roles, and economic stratification. Based on the material of family narratives and associative reactions, semantic inequality is traced: resource constraints are associated with a reduction in the vocabulary of self-description and a predominance of negative definitions of happiness as the "absence of misfortune," whereas high prosperity expands the repertoire of emotional designations but strengthens dependence on media clichés and psychologized formulas. Contrasting temporal and metaphorical profiles are established: in urban communication, happiness is more often framed as a discrete event and a project of individual achievements with metaphors of movement and "reboot"; in rural communication, it is framed as a stable state of "harmony," rooted in cyclical, duty, and collective harmony, expressed through images of growth, warmth, and building. The gender perspective demonstrates a divergence in the semantic universes of spouses: male statements gravitate towards agency and external evaluation, female statements towards relationality and fine gradations of experience, generating communicative gaps in the coordination of the family meaning of happiness. It is shown that happiness is increasingly becoming not only an experience but also a requirement

for its socially legitimized description, turning language into a tool for diagnosing and simultaneously segregating everyday experience.

For citation

Tolmacheva Yu.A. (2025) Psikholingvisticheskiy analiz kontsepta schast'ye v semeynom diskurse gorodskikh i sel'skikh soobshchestv s uchetom gendernykh roley i ekonomicheskoy stratifikatsii [Psycholinguistic Analysis of the Concept of Happiness in Family Discourse of Urban and Rural Communities Considering Gender Roles and Economic Stratification]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennoye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (11A), pp. 94-104. DOI: 10.34670/AR.2025.21.53.009

Keywords

Psycholinguistic analysis, concept of happiness, family discourse, gender roles, economic stratification, urban and rural communities, linguistic consciousness.

References

1. Basanova, E. E. (2016). Sistemnoe issledovanie fenomena schastyia v raznovozrastnykh gruppakh [Systematic study of the phenomenon of happiness in different age groups]. In *Universitetskie chteniya 2016. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenii PGLU* (pp. 141–145).
2. Belyakova, I. E. (2008). Semya kak osnovnoi lingvokulturnyi kontsept [Family as a basic linguocultural concept]. In *Yazyk. Kommunikatsiya. Kultura. Sbornik nauchnykh trudov fakulteta romano-germanskoj filologii* (pp. 20–24).
3. Kolesnikova, E. I. (2017). Issledovanie gendernykh osobennostei semantiki slova [Study of gender features of word semantics]. In *Yazyk i natsionalnoe soznanie. Trudy teoretiko-lingvisticheskoi shkoly v oblasti obshchego i russkogo jazykoznaniya* (pp. 72–74).
4. Kolesnikova, E. I. (2019). Psikholingvisticheskoe issledovanie gendernoi spetsifiki semantiki slova [Psycholinguistic study of gender specificity of word semantics]. In A. V. Rudakova (Ed.), *Znachenie kak fenomen aktualnogo jazykovogo soznaniya nositelej jazyka. Materialy V Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* (pp. 29–30).
5. Lysenko, M. A. (2012). Psikholingvisticheskoe znachenie kontsepta "schaste" v russkom jazykovom soznanii [Psycholinguistic meaning of the concept "happiness" in Russian language consciousness]. *Linguistica Juvenis*, (14), 119–125.
6. Morozova, I. A. (2020). Psikholingvisticheskoe issledovanie leksemы zhenshchina (po rezul'tatam napravленного assotsiativnogo eksperimenta) [Psycholinguistic study of the lexeme woman (based on the results of a directed associative experiment)]. In *Znachenie kak fenomen aktualnogo jazykovogo soznaniya nositelej jazyka* (pp. 43–45).
7. Myagkova, E. Yu. (2024). Psikholingvisticheskie issledovaniya na kafedre inostrannyykh jazykov Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta kurskaya gruppa psikholingvistiki [Psycholinguistic research at the Department of Foreign Languages of Southwest State University: the Kursk psycholinguistic group]. *Voprosy Psikholingvistiki*, 2(60), 139–141.
8. Pokoyakova, K. A. (2010). Ob assotsiativnom pole kontsepta "zhenshchina" v jazykovom soznanii nositelei russkogo, khakasskogo i angliiskogo jazykov [On the associative field of the concept "woman" in the language consciousness of speakers of Russian, Khakass, and English]. In *Razvitie jazykov i kultur korennykh narodov Sibiri v usloviyah izmenyayushchiesya Rossii. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (pp. 56–57).
9. Shchukina, K. E. (2004). *Spetsifika paralingvisticheskikh sredstv obshcheniya naroda sakha (na vyborke gorodskikh i selskikh zhitelei): avtoref. dis. kand. psikhol. nauk* [Specificity of paralinguistic means of communication of the Sakha people (based on urban and rural residents): abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Psychological Sciences]. 24 p.
10. Sternin, I. A. (2020). Tipy semem, vyyavlyayushchiesya v opisanii psikholingvisticheskikh znachenii [Types of semes revealed in the description of psycholinguistic meanings]. In I. A. Sternin (Ed.), *Semantiko-kognitivnye issledovaniya. Sbornik statei* (pp. 19–24).
11. Tagirova, F. I. (2014). Obraznye komponenty kontsepta "schaste" v folklornykh tekstakh [Figurative components of the concept "happiness" in folklore texts]. In I. G. Zakirova (Ed.), *Folklor v sisteme natsionalnykh i obshchechecheskikh tsennostei. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (pp. 226–229).
12. Tushnova, O. M. (2017). Osobennosti predstavlenii i perezhivaniya schastyia i ego svyaz s subektivnym blagopoluchiem u muzhchin i zhenshchin [Features of representations and experience of happiness and its connection with subjective well-being in men and women]. In *Vesennye psikhologo-pedagogicheskie chteniya. Materialy Mezhregionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (pp. 139–141).

13. Vepreva, I. T. (2017). Kontsept blagopoluchie blizkikh lyudei v yazykovom soznanii molodezhi (po rezul'tatam psikholingvisticheskogo eksperimenta) [The concept of well-being of close people in the language consciousness of youth (based on the results of a psycholinguistic experiment)]. In Yu. N. Mikhailova (Ed.), *Aksiologicheskie aspekty sovremennoykh lingvisticheskikh issledovanii. Tezisy dokladov Vtorogo mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* (pp. 12–13).
14. Volkov, Yu. A., & Savchenkov, A. V. (2025) Programma Kurator.pro rol nastavnichenstva v sotsiokulturnoi adaptatsii inostrannykh studentov v vysshem obrazovanii [Kurator.pro program: the role of mentoring in the sociocultural adaptation of international students in higher education]. *Upravlenie Obrazovaniem: Teoriya i Praktika*, (9-1), 167–175.
15. Zhdanova, E. V. (2007). K gendernym aspektam psikholingvisticheskogo tipazha kommunikantov [On gender aspects of the psycholinguistic typology of communicants]. In G. V. Ryabichkina (Ed.), *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya. Sbornik statei I Mezhdunarodnoi konferentsii* (pp. 101–103).